

Ирина Крилишина

Найди меня!

18+

Ирина Васильевна Крилишина

Найди меня!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67588226

SelfPub; 2022

Аннотация

Эта книга о том, что в самые трудные времена, когда больно и страшно мы находим самых важных в своей жизни людей. Война не помеха но любви, ни дружбе, ни преданности.

Ирина Крилишина

Найди меня!

Раннее утро. Грохот от взрывов сотрясал наш маленький шахтерский городок. Стены моего подвала ходили ходуном. Страх, что мой дом сложится, как карточный домик, похоронив меня, не давал мне свободно дышать. Усилием воли я сдерживалась, чтобы не выскочить наружу. Снаружи был ад. Вокруг все взрывалось и горело. Запах гари и дыма медленно и неотвратимо просачивался ко мне в подвал и я в который раз пожалела, что не убежала, пока ещё была возможность.

Взрывы потихоньку отдалялись и затихали. Небольшая передышка. Что произошло снаружи?

Я открыла крышку своего подвала и вылезла наружу. Мой дом выдержал, не упал и не горел, но взрывной волной выбило все стекла. Багет с тюлью телепался на одном гвозде. Весь пол был засыпан битым стеклом и осыпавшейся штукатуркой. Окна придется забить фанерой пока. И уборка пока подождёт.

Я вернулась в подвал и взяла свою медицинскую сумку, набитую всеми медикаментами и перевязочными материалами, которые нашла дома.

Нужно идти. Почти все жители нашего городка эвакуировались, но некоторые остались и им может быть нужна моя помощь. Моими подопечными были несколько одино-

ких стариков, которые не смогли уехать сами и несколько, которые категорически отказались это сделать. Мне нужно их всех проверить.

Я брела по своей улице. От пыли и гари нечем было дышать. По обе стороны дороги горели дома. Этот дом Смирновых, совсем разрушен. Дом бабы Мани потерял угол, как будто какой-то гигантский хищник отгрыз его. Рядом дом ее дочери, почти не разрушен, но нет части крыши и окон. Хорошо, что все они уехали.

Сердце сжалось от мысли, что в любой момент может ещё что-нибудь прилететь. Я почувствовала себя паникующим тараканом посреди освещённой кухни, хотелось поскорее убраться с открытой местности. Усилием воли я подавила панику и продолжила путь. Эта часть города была застроена пятиэтажками-хрущевками. Тут я никого не знала.

Странно, что я не встретила до сих пор ни одного человека. Ни мирных, ни военных. Хорошо понимаю, что перед этим была артподготовка и вслед должны зайти военные. С какой стороны только непонятно. Но я не переживала по этому поводу. С одной стороны города были русские военные, с другой украинские. Украинские войска – регулярная армия из призывников, нациков у нас здесь не было. Я не ощущала врагами ни тех, ни других.

Ощущение бессмысленности происходящего не покидала меня. Человеческая жизнь полностью обесценилась. Власти обеих сторон утверждали, что борются за людей, их безопас-

ность и свободу, но погибшим вот в этом доме уже все равно. Все равно и солдатам вон в том сгоревшем танке. Все равно и тем людям, которые колонной пытались уехать от войны и их накрыло Градом. Кто стрелял непонятно. Десяток покорёженных автомобилей со сгоревшими в них людьми так и остались на дороге. И некому пока похоронить их.

Я вошла в темный подъезд пятиэтажки. Света у нас нет уже пять дней. Здесь живёт старушка баба Зоя. Я открыла дверь в её квартиру. В квартире стояла тишина. Я подошла к кровати и увидела мертвую старушку. Видимо сердце не выдержало последнего обстрела. Я накрыла её простыней и ушла. Больше ничего пока не могу сделать. Даже плакать не могу, больше не могу !

Я вышла на улицу и увидела стайку теперь уже бездомных собак. Собаки и породистые и беспородные держались вместе и быстро поняли, где нужно искать еду. Разбитые дома и магазины кормили их. Собачья стая пробежала мимо и скрылась за углом дома.

Вдруг раздался громкий визг. За углом дома кто-то визжал на одной ноте. Я кинулась туда. Медицинская сумка больно била меня по бедру. За углом я увидела ребёнка. отчаянно визжащая девочка махала руками и пыталась отбиться от окруживших её собак. Я рванулась к ней. И вдруг раздалась выстрелы. Очередь из автомата Калашникова. Пули чиркнули метрах в тридцати от ребёнка. Собаки услышав выстрелы, разбежались в разные стороны. Я подскочила к

девочке и обняла её. Она всхлипывала и размазывала грязь по своей чумазой мордашке. Забыв обо все, я пыталась успокоить ребёнка и не заметила подошедших солдат.

– У вас все хорошо? Вы не пострадали?– голос солдата был уставший и какой-то запылённый.

Я подняла глаза и увидела военных. Их было много, в полной экипировке, с красными повязками на ногах и руках. По дороге ехала техника, с большими буквами Z. Русские.

– Спасибо, вы подоспели вовремя. Я бы не справилась со стаей собак.

– Ну почему вы гражданские такие безответственные? Почему не эвакуировались, ещё и с ребёнком? Вы понимаете, что могли погибнуть?

– Очень хорошо понимаю. Спасибо, мы пойдём.

Я не стала рассказывать почему я осталась и что это не мой ребёнок. Не нужно им это. У них свои задачи, у меня свои.

Колонна военной техники и людей громыкала по дороге. Там, где ей не хватало проезжей части техника заезжала на тротуары и клумбы, сминая тонкие деревца и кусты.

Девочка в моих объятиях совсем затихла. Я оторвала её от своего плеча и заглянула в глаза. В глазах девочки уже не было страха. Детская психика такая гибкая. Она была ужасно грязная. Вся мордашка в пыли и разводах от слез. На вид лет десять.

– Как тебя зовут? И что ты здесь делаешь одна? Где твои

родители? Почему вы не уехали? – Вдруг я вспомнила, что на неё напали собаки, – Тебя собаки не покусали?

– Нет, не покусали, я же так громко кричала. Меня Никой зовут. Мы здесь с папой остались. Мы с бабушкой жили, но она умерла, ещё до войны.

– Как папа отпустил тебя одну?

– Мой папа дома. Он шахтёр был раньше и его в шахте привалило. Спасли его, только он без ног остался. Давно уже. Я его с ногами и не помню. Маму тоже не помню. Папа говорит, что она не выдержала жизни с инвалидом, но мой папа не инвалид! – Девочка от злости топнула ногой. – Он все, все может делать. Он теплицу сам построил. Дядя Саша совсем немного ему помогал.

– Хорошо, хорошо, не сердись! Давай я тебя домой отведу, а то мне нужно ещё проведать стариков. Как они пережили обстрел узнать.

– Я и сама могу, я тебе не маленькая.

– Нет уж! А вдруг опять собаки.

Ника взяла меня за руку и мы пошли по улице. Из домов и из подвалов вылезали люди. Все, кто выжил. Возле разбитого магазина группка женщин причитала и обнимала солдат. Закончился квартал пятиэтажек и начался частный сектор. Здесь дома от обстрелов пострадали меньше. Почти нет разбитых, только окна выбиты.

Мы подошли к маленькому домику с красной крышей. Ворота были открыты и мы вошли. Во дворе был порядок.

Девчушка вырвала руку и моей и рванула в дом. Я вошла за ней, должна убедиться, что с её папой все нормально.

Я вошла в большую кухню. Посреди кухни перед открытой крышкой подвала сидел мужчина и что-то пытался вытянуть из подвала за веревку. Из подвала показались колеса инвалидной коляски.

– Давайте я вам помогу!

Мужчина вздрогнул и коляска с грохотом улетела вниз.

– Что вы тут делаете? Как вы вошли?– Мужчина повернулся и настроен был явно недружелюбно. Ему не понравилось, что я застала его в такой момент.

– Я Нику привела домой, на неё собаки напали, – я почему-то пыталась оправдаться, хотя ничего плохого не сделала.

– Опять эта девчонка убежала. Знает, что я быстро не могу из подвала выбраться и пользуется этим. Ну вот как её наказывать? Совсем не слушается. Спасибо. Можете идти.

Это прозвучало, как приказ. Я, как марионетка, развернулась и вышла.

Мне стало почему-то обидно. Своеобразная такая благодарность. Ну да ладно, дел сегодня ещё по горло.

Остаток дня я моталась по городу. Хорошо, что все остальные выжили, никто не пострадал.

Колонна военных прошла город насквозь и пошла дальше, оставив в городе людей, которые начали налаживать жизнь. К концу дня я нашла ответственного за наш город. Здание горисполкома почти не пострадало, хотя работать в нем бы-

ло некому. Почти все чиновники эвакуировались. Военные быстро сформировали из остатков чиновников штаб и начали работать. Я передала им сведения о погибших, которых нужно идентифицировать и захоронить. Это нужно сделать в первую очередь. Меня попросили взять на себя помощь старикам и немобильной части населения.

Только Вечером, вернувшись домой, я поняла, как безумно я устала. Я не ела целый день. Дома меня ждал холод и битое стекло по всему дому. Убираться совсем не было сил. Я закрыла двери во все комнаты, убирать там буду потом. Затупила окно на кухне досками, хорошо что маленькое, включила газ, чтобы немного согреть помещение.

Начав убирать стекло со столов и пола я порезалась. Отчаяние накрыло меня с головой. Я смотрела на капающую на пол кровь и рыдала. Это была истерика. Я выла и металась по кухне, как загнанная зверь. Кровь из руки смешивалась со стеклом и осыпавшейся штукатуркой, превращаясь в бурю грязь. Я растапывала её по всей кухне.

Скоро мои силы закончились и я села на диванчик, зажав порез пальцами. Все ещё всхлипывая я прилегла, укрывшись, лежавшей рядом курткой. Заснула я моментально, как вырубилась. Этот долгий день высосал из меня все силы. Всю ночь мне снились кошмары, но проснуться не хватало сил.

Проснулась я рано утром, понимая, что замерзла совсем. Ещё не открыв глаз я пыталась понять где я, и что случилось. Сразу вспомнила весь вчерашний день и боль вернулась. И

душевная и телесная. Очень болела рука. Я открыла глаза и села. Вся кухня была в засохшей крови и я тоже.

Я пыталась встать и поняла, что моих сил не хватает. Я чувствовала себя столетней старухой

Нужно встать, перевязать руку, убрать кухню и поесть наконец – то. Я была очень голодна.

Я перевязала руку и часа два возилась с уборкой. Одной рукой очень сложно. Поев я переоделась и пошла в город. На мне так пока и остались одинокие старики.

Оставшиеся военные помогли разнести гуманитарные су-хпайки. Некоторых стариков перевезли в мобильный госпиталь, наша больница полностью разрушена. Теперь за их судьбу я спокойна.

Получив свой паёк, я наконец-то свободна и могу идти домой. Хотелось спать и безумно болела рука. И вдруг я вспомнила Нику и её папу. Есть ли у них еда?

У меня дома есть еда, много ли мне надо. А ребёнка нужно кормить. Я вздохнула, развернулась и пошла в противоположную сторону от своего дома.

Подойдя к калитке домика с красной крышей я вдруг оробела. Не хотелось снова встречаться с этим мужчиной.

Я нехотя подняла руку и постучала.

Откуда то из глубины двора послышался детский крик – Папа, я открою!

Дверь открылась так, как-будто её снесло ураганом.

–О, здравствуйте. Вы к нам в гости пришли?

– Я вам принесла продукты, там всем раздавали. Я не видела, что вы получали.

Дверь дома открылась и на крыльцо выехала инвалидная коляска с Никиным папой.

Увидев меня, он нахмурился.

– Вы что-то забыли вчера? – Его голос жестким и суровым.

Я сразу растерялась. И чего я поперлась к ним? Справились бы и без меня.

– Папа, она нам продуктов принесла. Там всем давали, а ты меня не отпустил!

А у нас чай закончился и сахар!– Ника от нетерпения аж подпрыгивала на месте.

– Ну что ж, заносите, – он был не рад моему присутствию, хотя понимал, что для Ники сумка была тяжёлая.

Я занесла сумку с продуктами, поставила её возле стола и собралась уходить, нет, убежать. Хозяин тяжелым взглядом наблюдал за мной.

– Погодите, я не могу вас так просто отпустить. Выпейте с нами чаю, пожалуйста. Ну если в вашей сумке есть чай.

– Нет, спасибо. Я, пожалуй, пойду! Мне нужно домой. – Я развернулась и собралась уходить.

– Сядьте! Я хотел сказать, пожалуйста, сядьте. Мы не можем вас так отпустить.

Под его внимательным и тяжелым взглядом я подошла к небольшому диванчику и села.

– Ну вот и хорошо! – Мужчина неожиданно улыбнулся.

– Ника, доченька, а ну ка давай, накрывай на стол.

Ника радостно взвизгнула и помчала ставить чайник. Я достала сумку и начала доставать продукты: масло, крупы, тушенка, макароны. Ага, вот чай и сахар. Даже печенье есть, правда галетное, но все равно хорошо.

Мужчина и Ника крутились по кухне, накрывая стол.

На столе появилась колбаса, хлеб, маринованные огурцы и помидоры, жареная картошка. Но плите гудел чайник. Я вдруг вспомнила свою холодную кухню.

Мы троем расположились за столом с трёх разных сторон. Хозяин дома сидел напротив меня. Сейчас, за столом, когда его инвалидной коляски не было видно, он немного оттаял и начал улыбаться. Он наложил мне на тарелку картошки и колбасы и поставил передо мной.

– Может вы скажете как вас зовут, фея-кормилица?

– А ещё спасительница! – Ника не могла промолчать, – ну она же меня от собак спасла вчера!

Я расслабилась.

– Маша меня зовут. А вас?

– Миша. С Никой вы знакомы. Ешьте, ешьте. Вы, наверное, голодны.

Положив кусочек колбасы в рот, я поняла, какая я голодная. После еды я потихоньку пила горячий чай, размачивая в нем галетное печенье. Ника рассказывала о своих делах, её голос становился все монотоннее и тише.

Проснувшись среди ночи, я испугалась. Я была в незнакомом месте, хотя мне было тепло и комфортно. Я испуганно вскочила и ударилась порезанной рукой об стол. От боли я зашипела.

В углу зажегся ночник и я увидела фигуру мужчины в инвалидном кресле. И я сразу все вспомнила. Миша и Ника.

– Не бойтесь. Вы в безопасности. Я ждал, когда вы проснетесь, вы так неожиданно заснули. Я бы сказал вырубилесь.

– Извините, пожалуйста, я случайно. Я сейчас уйду. – Я начала шарить глазами по комнате, пытаюсь найти свою куртку.

– Да куда вы пойдёте? Два часа ночи. Пойдемте я вам покажу туалет, переночуете у нас, а утром пойдете.

Спорить у меня сил не было.

Утро наступило с громким криком петуха. Давно я не просыпалась с криком петуха, повеяло детством. Казалось сейчас войдёт моя бабушка Надя и растопит печку и напечет блинчиков на завтрак.

Вместо этого в кухню, где я спала, вкатилась инвалидная коляска. К хозяину дома вернулось плохое настроение. Он остановился перед диваном и молча смотрел на меня. Его взгляд был таким тяжёлым, что ощущение придавленности было почти физическим.

Я вскочила, попрощалась и выскочила из дома. На улице было холодно, но я вздохнула полной грудью. Какое облегчение.

Вернувшись домой я разбинтовала свою руку и ужаснулась. В том что рука сильно болит ничего странного не было. Порез воспалился, рука опухла. Я села на стул в своей холодной кухне и засунула термометр по мышку. Проснулась от того, что чуть не упала со стула. Достав градусник долго пыталась сфокусировать взгляд, никак не могла понять. Походу 40.

Наверное простудилась. Безумно хочется спать. Я легла на диванчик и провалилась в сон. Я спала и мне снилось, что я безумно хочу пить, но никак не могу проснуться. Проснулась я ночью. Так и не смогла понять сколько сейчас времени. Сил хватило только на то, чтобы выпить воды. Тяжелый сон снова сморил меня.

Я все ещё спала и мне снилось, что рядом кричит ребёнок. Так неприятно, что пришлось проснуться и открыть глаза. Рядом стояла Ника. Увидев, что я открыла глаза, девочка радостно завопила.

– Папа, папа, я таки её разбудила! Кажется она заболела, вся такая горячая.

С улицы послышался резкий голос, который даже в этом моем состоянии резанул по ушам.

– Дочь, помоги Маше встать и веди её на улицу.

– Никуда я не пойду, – возмутилась я, – Я дома! Куда это я должна идти?

– Папа, она не хочет! – Детский голосок звенел от возмущения.

– Маша, не заставляйте меня вылезать из машины и ползти к вам! Вы все равно поедете с нами, вам нужно лечение.

Я на секунду представила, как Миша будет ползти ко мне по моим высоким ступенькам и вздрогнула. Представляю каким у него будет настроение, если ему придется делать это.

Я встала и подошла к зеркалу. Из зеркала на меня смотрела грязная и страшная старуха. Волосы торчали во все стороны, глаза красные, как у кролика, губы потрескались от жара. Ноги трусились и подкашивались. Казалось я сейчас потеряю сознание. Ника схватила мою руку и мне пришлось принять её помощь. По ступенькам мы спускались целую вечность, отдыхая на каждой ступеньке. Мои ворота были открыты и перед ними стояли синие Жигули. За рулём сидел Миша. Встретившись с ним взглядом, я совсем передумала спускаться, хотя мне таки придётся принять его помощь. Я понимала, что мне нужна медицинская помощь.

Ника почти затолкала меня на переднее сидение. Целую минуту я наблюдала как ловко Миша управляет машиной, потом потеряла сознание.

Миша привёз меня в госпиталь. Врач глянув на мою руку сразу вынес вердикт- заражение крови. Нужно стационарное лечение. Мест в госпитале не было, но мне притулили какую-то лавочку и я вынуждена была остаться.

Почти трое суток я была под капельницами, а потом ещё трое меня капали четыре раза в день.

Каждый день, вечером, ко мне приходила Ника. Я так при-

выкла к ее веселой рожице и заразительному смеху. Каждый день с ней что-то случалось и она рассказывала мне, и махала руками, и смеялась. Она приносила мне в пластиковом лоточке еду. Всегда свежую и ещё теплую. И хотя аппетита у меня не было, мне приходилось все съесть, иначе Ника грозилась пожаловаться папе, ведь он готовил, старался. Злить ее папу мне совсем не хотелось, я помнила его тяжёлый взгляд.

Утром седьмого дня по мне подошёл врач и улыбнулся.

– Ну, что! Я вижу вам уже легче, а посему отпускаю вас домой, мне нужно ваше место. Вот вам назначения, покажитесь через неделю.

Я собрала свои вещи и оделась, отдыхая каждую минуту. Сил совсем не было. Я подумала о своем холодном доме и вздохнула. Придется как-то мне справляться, надеюсь мне скоро станет полегче. Дойти бы до дома.

Я вышла на улицу. За эту неделю, пока я болела, весна насовсем пришла в наш городок. Я стояла, закрыв глаза, задрав голову к солнцу и не могла согреться. Теперь все будет хорошо. И война закончится, и вернутся мои соседи, и мы отстроим свои дома и будем жить! Так просто! Просто жить!

Из состояния нирваны меня вырвал сигнал машины. Знакомые синие жигули. Из машины выскочила Ника, бросилась ко мне и обняла за талию.

– Маша, я так рада, что ты выздоровела! Хотя папа сказал, что ты ещё не до конца выздоровела и тебе нужно ко-

лоть уколы. Ну, в попу. Это ужасно больно, я знаю, мне папа колол, когда я болела ангиной!

– Маша, подойдите, пожалуйста, – позвал меня Миша, высунувшись в окно машины.

Я неуверенно подошла. Этот мужчина вызывал во мне какое-то странное чувство. Не то, чтобы я его боялась, но рядом с ним я чувствовала себя не в своей тарелке. Когда он смотрел на меня своими пронзительно серыми глазами, хотелось спрятаться.

– Маша, садитесь в машину. Я решил, что пока вы не выздоровели окончательно и вам ещё нужно лечение, поживете у нас. У нас есть свободная комната.

Замечательно! Он решил! Меня спрашивать не нужно?

Я поежилась.

– Нет, Миша, вы и так много для меня сделали. Я буду вам благодарна, если вы отвезете меня домой.

– Послушайте, вам нужно колоть антибиотики. Кто будет это делать? И не нужно мне говорить, что вы сами умеете, у вас одна рука не работает. И кто вам будет делать перевязки? Да что я тут вам доказываю? Садитесь!

Я, как марионетка, подошла к машине и села.

Какого черта? Почему это я его слушаюсь, хотя его доводы логичны.

Сзади довольно пищала Ника. Она обняла меня за шею и смачно поцеловала в ухо.

– Ника, перестань! Маше нужна тишина и спокойствие!–

сказал, как отрезал.

Ехали мы молча, даже Нику не было слышно на заднем сидении.

Мы заехали во двор и Ника выскочила из машины.

– Маша, пожалуйста, не реагируйте на мой командный тон. Я так привык. А с Никой по другому вообще нельзя. Когда была жива ее бабушка с ней проще было справляться. Ее она всегда слушалась.– Миша вздохнул.

У дома оказалось два входа. Один парадный, для гостей и один сбоку дома, для Миши. Там был оборудован пандус для инвалидной коляски и можно было войти сразу на кухню.

Ника показала мне маленькую комнату.

– Здесь бабушка Зоя жила, но ты не бойся, она в больнице умерла. Я тебе свое любимое постельное постелила, смотри какие цветы красивые!

Я присела на краешек кровати и поняла, как я устала. Моих сил хватило совсем не надолго.

– Ника, я полежу немного. Совсем сил не осталось.

Ника кивнула, выскочила из комнаты и захлопнула дверь.

Я прилегла и сразу уснула. И казалось, сразу проснулась от стука в дверь. Несколько секунд я пыталась понять где я нахожусь.

За дверью не стали ждать моего разрешения. Дверь открылась. На пороге появился Миша в своей инвалидной коляске.

– Маша, просыпаетесь. Пора ужинать и уколы нужно сде-

лать, а потом спите, сколько хотите.

На кухне было тепло, светло и уютно. На столе в большой миске дымились вареники. И я вдруг поняла, как я хочу есть. Есть не потому что нужно, а потому что хочется.

Мы сидели за столом, макали вареники в жареный на масле лук и ели. Ника что-то щебетала, но я ее не слушала. Я наслаждалась едой, каждым ее кусочком. Как мало нужно человеку для счастья: вкусная еда, теплый дом и чтобы не стреляли.

– Маша, а почему вы живёте одни? У вас совсем никого нет?– Миша очень внимательно наблюдал за мной.

– Я с мамой живу, но когда стали стрелять, отправила ее в Белгород к сестре, моей тете.

– А сами почему не уехали?

– Не знаю почему.– Я задумалась.– Мне казалось, что я буду тут нужна. А ещё Тишка, наш кот. Не могла его бросить, он старенький совсем.

Слезы начали капать из моих глаз.

– Не знаю где он. Когда начался первый ещё обстрел, он испугался и убежал. Где я его только не искала, не нашла.

Миша задумчиво вертел вилку в руке.

– Тишка ваш черный совсем?

– Нет совсем рыжий, даже глаза рыжие.

– Ну поели? Пойдем, буду уколы вам делать, а затем будем пить чай. А ещё я вам воды нагрел, искупаетесь. Ника поможет вам. Больную руку мочить нельзя, после ванны пе-

ревязку сделаем.

– Может вы мне лекарство в шприц наберёте, а я сама сделаю?– Даже мысль о том, что Миша будет делать мне укол, заставила поежиться.

– Да не переживайте! Я очень хорошо делаю уколы, можете у Ники спросить.

Но Ники рядом не было и спрашивать было не у кого, поэтому я молча пошла в свою комнату, легла на кровать, стянула с попы трусы и зажмурилась.

Попа моя представляла собой то ещё зрелище. Шесть дней в нее четыре раза в день тыкли по нескольку уколов. Черные пятна перемежались синими и желтыми разводами, а на ощупь чувствовалось, как будто гальки под кожу насыпали. Бугры и шишки.

Я услышала как коляска мягко вкатилась в комнату.

– Ох, ничего себе! – Видимо Миша увидел мои красивые ягодицы.– Классно вас отделали! Куда колоть то?

Я почувствовала его пальцы на моей коже. Он аккуратно прощупывал мою многострадальную пятую точку, в надежде найти место для инъекции. Нашупав свободное место, Миша быстро сделал укол. Почти не больно, терпимо.

– Погодите, не вставайте. Нужно сделать компресс на ваш этот кошмар! Не хватало ещё абсцесс на попе занять! Хотя наверное, сначала искупаетесь, а затем компресс поставлю.

В ванной плескалась горячая вода, такая как я люблю. Очень горячая!

Я с наслаждением погрузилась в прозрачную воду. И только прикрыла глаза, как дверь в ванну с треском распахнулась и в нее влетела Ника.

– Папа сказал помочь тебе намылиться, а то тебе одной рукой не удобно.– Ника схватила с полочки мыло.

– Подожди Ника! Дай я полежу, так приятно, просто лежать.

Ника уселась рядом с ванной на низенькую скамеечку и уставилась на меня.

– Маш, а уколы больно?

Я повернулась и показала девочке свою попу.

Ника ойкнула и зажала ладошкой рот. Ее глазенки округлились.

–Маш, а ты не умрешь? У тебя там все чёрное, синее и зелёное! Это очень больно? У моей бабушки так посинели ноги и она умерла.

– Нет, Ника, не бойся. Теперь не умру, вы же с папой меня спасли. А это пройдет, как только закончатся все уколы.

Потом Ника помогла мне намылиться и поливала меня чистой водой из ковшика.

На кухню мы пришли в обнимку. Ника схватила меня за руку и низачто не хотела отпускать. Мы и чай так пили, вместе.

Миша молча наблюдал за нами.

После чая он налепил мне компресс на места инъекций и сделал перевязку. Рана на руке хорошо выглядела и явно

заживала.

– Из вас получилась бы отличная медсестра, вернее мед-брат. Вы так все аккуратно и профессионально делаете.

– Научился. Мама болела долго, пришлось ухаживать. Слушайте, Маша, а давайте на ты перейдем, раз уж так получилось. Вы не против?

– Не против, давай на ты.

Первый раз за много дней, я заснула спокойно. Постель была удобной, подушка мягкой, но самое главное – ощущение безопасности. Да, это самое классное в мире ощущение! Хотя и война ещё не закончилась и я ещё не до конца выздоровела, но вдруг появилось ощущение, что все будет хорошо. С этим ощущением я и заснула.

Утро было добрым и ранним. Петух начал орать точно по расписанию. Подъем дался мне легко, значит пошло дело на выздоровление.

На кухне было темно из-за закрытых жалюзи. Я открыла окна и решила напечь блинов на завтрак. В подвале у этого семейства точно найдется баночка с вареньем. Малиновым!

Как бы тихо я не старалась, но дверки шкафов стучали, ложка падала и как бы я не старалась тихо мешать тесто, все равно получалось громко.

– Кто здесь грохочет с самого утра? – В кухню вкатилась инвалидная коляска. Миша сегодня улыбался. – Ты решила разгромить мою кухню?

– Нет! Только блинчиков напечь, но одной рукой получа-

ется плохо!

– Давай помогу!

Миша забрал у меня ложку. Ловко замесил тесто, нагрел сковороду и начал печь блинчики. Так ловко у него это получилось, видно, что для него это знакомое занятие.

Мы уже пили чай и ели блинчики с малиновым вареньем, когда на кухне появилась заспанная, в пижаме Ника.

– Вы без меня чай пьете? Да?– Ее подбородок предательски задрожал.

– Дочь, ну ты что? Давай быстро одевайся, пей чай и у меня к тебе дело!

Глазенки девочки заблестели. Она шустро развернулась и побежала одеваться.

Сделав все болезненные для меня процедуры, Миша уложил меня на диван, включив кино. Сами с Никой собрались и куда-то ушли. Я смотрела кино, пока не заснула.

Миши с Никой не было два часа. Где они мне не сказали, а я и не спрашивала. Они совсем не должны передо мной отчитываться.

Неделя пробежала очень быстро. Я совсем поправилась. Рука быстро заживала.

Миша с Никой опять куда-то уехали, а я потихоньку готовила обед. Завтра Миша отвезет меня на прием к врачу, а потом домой. Я уже не понимала хочется мне домой или нет. В голове я уже составила план уборки и ремонта своего дома. Потихоньку сделаю.

Я очень буду скучать за Никой. Рядом с ней ощущаешь полноту жизни, начинаешь ценить по настоящему важные вещи.

Ворота открылись и во двор въехала машина. Хозяева вернулись.

Дверь открылась и в кухню влетела Ника.

– Маша, Маша, смотри!

В руках у нее был рыжий и очень грязный кот, очень похожий на Тишку. Кот, увидев меня, громко мявкнул и рванул ко мне.

– Тишка! Тишенька! Неужели это ты? Где же ты был?

Я обнимала кота и плакала. Он был жутко грязный, худой и вонючий. Главное живой!

В дверях кухни Миша наблюдал за мной и улыбался.

– Миша, где же вы его нашли? – Я не могла успокоиться. Слезы текли и текли и я размазывала их по лицу.

Миша молчал, зато Ника молчать не стала.

– Маша, представляешь, мы целую неделю искали твоего кота, только папа не разрешал тебе говорить. Мы хотели тебе сюрприз сделать!

Весь вечер был занят котом. Сначала мы с Никой его купали, затем срезали колтуны, потом сушили. Бедный Тишка съел три порции еды, никак не мог насытиться, а затем свернулся калачом на моих коленях и заснул. Думаю ближайшее время он от меня ни на шаг не отойдет.

Я была счастлива. Мама и Тишка – вся моя семья. Миша

весь вечер наблюдал за нашей колготней с котом и улыбался.

Утром я сложила свои вещи в машину, сзади посадила кота и Миша отвезет меня на прием к врачу, а затем домой.

Ника стояла на крыльце, слезы катились по ее щекам. Папа не разрешил ей поехать с нами и она плакала.

Врач осмотрел меня, отменил все лекарства и устало улыбнулся.

– Можете больше не приходите. У вас все хорошо.

Миша привез меня домой. Я вышла из машины и ахнула. Кто-то вставил все стекла в моем доме. Миша наблюдал за моим изумлением и улыбался.

– Миша, это вы вставили стекла. Это же дорого очень!

– Не беспокойся, у меня это стекло уже давно в сарае пылилось. Вот и пригодилось. Нельзя вам без стекол, а то Тишка опять убежит!

Тишка услышал свое имя и ещё сильнее прижался ко мне. Натерпелся, бедолага!

– Спасибо вам, большое. Я даже не понимала, что мне с этим делать.

– Там Ника тебе поубирала немного, как смогла. Я поеду, до свидания.

В доме были вымыты полы и повешены шторы. Электричество дали ещё три дня назад. Я достала обогреватель, включила его и дом начал потихоньку прогреваться. Я залезла на диван с ногами, укрылась пледом. Тишка огромным калачищем лежал рядом. Наконец-то я дома.

Интересно, чем заняты Ника и Миша. Я за неделю так привыкла к ним. И к Никиному смеху и к молчаливости Миши. Он не такой уж и злой, а когда улыбается хочется улыбаться ему в ответ.

Скорее бы мама вернулась. Мне вдруг одной стало невыносимо. Хотелось туда на кухню, где было тепло, где Ника и Миша и мы готовим вместе ужин.

Слезы навернулись на глаза. Я ощутила себя брошенной и никому в этом мире не нужной. Что-то изменилось во мне. Раньше мне очень нравилось быть самостоятельной и независимой. А теперь я уже и не знала. Странно когда о тебе кто-то заботиться. Кто-то чужой, не мама.

Рядом с домом засигналила машина. Я вскочила, вытерла слезы и выбежала на улицу. Перед моим домом стояли синие жигули и Миша сидел рядом в своем инвалидном кресле.

– Маша, я привез свое кресло и вылез из машины, а то как-то неудобно делать предложение женщине из машины. На колено тоже не смогу стать и кольца у меня нет, но я предлагаю тебе выйти за меня замуж. Если тебе не противен инвалид. И кольцо сама себе выберешь, какое захочешь, ну если согласишься.

Миша замялся и замолчал.

Мысли бежали в моей голове так быстро, что я не могла ни одну из них ухватить. Хотелось подойти и поцеловать эти упрямые губы, и бежать и тискать Нику, и бежать за Тишкой, его низачто не брошу.

Миша воспринял мое молчание, как отказ. Вздохнул и опустил голову.

Я подошла к нему, подняла его голову и поцеловала в нос, почему-то.

Мы будем самыми счастливыми людьми в мире! Я знаю!